

УДК 39+615.89(470)

Мазалова Н.Е., доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия)

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА РУССКОГО СЕВЕРА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.

В статье рассматриваются народно-медицинское знание Русского Севера второй половины XX в., включающее несколько подсистем. Изучаемые вопросы народно-медицинского знания как комплекса рациональных и магических практик, а также процессы его формирования относятся к сфере фундаментальной науки и одновременно стоят в ряду актуальных вопросов современности, в частности, проблем знания. Работа проводилась главным образом методом полевого исследования и строилась на основе полевых материалов автора, собранных на основе нескольких экспедиций на Русский Север. Исследование темы народно-медицинского знания Русского Севера, не являющейся до настоящего времени предметом отдельного исследования, обусловило новизну работы. В ходе исследования выявлялись неразрывные связи рациональных и магических составляющих народно-медицинского знания, а также способы передачи и сохранения народно-медицинского знания. В ходе исследования были сделаны следующие выводы. На протяжении XX в. народная медицина занимала важное место в жизни населения Русского Севера. Народно-медицинские знания Русского Севера представляют собой синтез архаических мифологических представлений и рациональных. Народная медицина на Русском Севере в XX в. оставалась востребована, потому она удовлетворяла важный социальный заказ – сохранение здоровья и лечение болезней, а официальная медицина не могла полностью удовлетворять потребности жителей северорусских деревень. Носительницами народно-медицинского знания являлись женщины пожилого возраста, которые являлись хранительницами традиционных знаний, и они передавали его младшим. Разработанные в традиционной культуре механизмы передачи, восприятия, овладения народно-медицинским знанием сохраняются до наших дней.

Ключевые слова: народно-медицинское знание, «тайное знание», ритуальные специалисты, народная фитотерапия, заговоры, Русский Север.

DOI: 10.22281/2413-9912-2022-06-02-96-103

Народная медицина Русского Севера является культурной системой, включающей несколько подсистем: представления о здоровье и болезнях, лечении/исцелении человека, представления о строении человека и его жизненно важных составляющих, особого знания ритуальных специалистов и др. [1, 3, 4, 5, 6]. Народная медицина также представляет собой важную часть системы жизнеобеспечения, поскольку с помощью ее средств удовлетворяются потребности людей в сохранении здоровья и лечения болезней.

В статье предпринимается попытка исследования народно-медицинского знания как сложного комплекса представлений, рациональных и магических практик, которые являются частью традиционной медицинской системы и составляющей народной культуры, а также процесса формирования народно-медицинского знания в социальном контексте.

Некоторые из подсистем народно-медицинского знания представляют собой так называемое рациональное знание – знание свойств трав, средств животного, природного происхождения, их применения в лечении и др. Следует отметить, что рациональные и магические составляющие в народно-

медицинском знании неразделимы: многие, на первый взгляд, рациональные представления об использовании того или иного средства связаны с магическими.

На Русском Севере представлены различные виды специализированного народно-медицинского знания. Наиболее распространены были знания рациональных средств лечения: трав, средств животного происхождения и др.

Траволечение – значительный пласт народно-медицинского знания. Если в прошлом (XVII – XVIII вв.) траволечение входило в разряд «травоволхования» и запрещалось государством и церковью, то в XX в. знания о травах включали сведения о названии трав, их форме, местах их произрастания, а также их лечебных свойствах и назначении.

На Русском Севере наиболее распространены народные номинации трав по названию болезней или пораженного болезнью органа человеческого тела; так, на Русском Севере использовались следующие травы: «Костоломка – от болей в костях» [ПМА. 1988]; «Порежешься, травку приложишь – порезница»; «Сполохи – если ребенок испугается, кричит. Есть

трава сполошница, заваривай да пой ребенка, все жилы промывает» [ПМА. 1987]; «Сердечница — от сердца помогает» [ПМА. 1987]; «Урочница — трава от уроков (уроки — болезнь, нанесенная словом- Н.М.)» [ПМА. 1987].

Особое место занимают травы обереги — Петров крест, полынь, чертополох и др. Иногда название травы давалось по номинации христианского персонажа; например, *богородская трава* (чабрец — *Satureja hortensis*). Ею окуривают дома, «чтобы болезнь не ходила», коров после отела, моют детей ее настоем и др. Считалось, что она также отгоняет болезни и бесов.

Этими же свойствами наделялся *вереск*, *фересинка* (народное название можжевельника — *Juniperus communis*). Официальной медициной признано, что можжевельник обладает сильными бактерицидными свойствами. Можжевельник используется в окуривании инфекционных больных, окуривании коров после отела. Магические представления о можжевельнике основаны на таких его свойствах, как хвойность, вечнозеленость, характерный бальзамический запах.

Чертополох (*Cbrduus*)— 'пугающий чертей' (от *полохатъ* — пугать) использовали в лечении детей: «от испуга мыли с чертополоха». Чертополох также использовали как апотропеическое средство: считалось, что он охраняет от колдунов и бесов. Приписываемые ему свойства - отгонять нечистую силу основаны на внешнем облике и особенностях растения, покрытого колючками, цепляющегося к одежде и др.

В лечении мужской потенции использовали траву кукушкины слезы, (ятрышник - *Orchis mascula*): «Женился, а у него ничего не получается. Попоили травкой, как у быка стало» [ПМА. 1988]. Считалось, что эта трава наделяет мужчину генеративными способностями.

Народномедицинское знание включает сведения о местах произрастания трав — лес, болото, луга и пр. Как правило, - это природа, неосвоенные человеком пространства: «Сердечница — махонький стебелечек и цветочки зеленые на сухих, высоких местах растет. Болит сердечко колет» [ПМА. 1987].

Магические представления о травах проявляются во временных характеристиках их сбора: по севернорусским поверьям,

большую часть трав следует собирать накануне или в день Ивана Купала — день летнего солнцестояния, когда травы обладают наибольшей силой.

Сведения о лечебных свойствах культурных растений — луке, капусте, репе и др. известны многим жителям. Например, лук, благодаря наличию фитонцидов, использовался в лечении нарывов, зубной боли: «шептали на луковицу. Разрежешь ставишь в печь, начертит посередке лука, положит на зуб, и со слиной вытечет и отерпнет» [ПМА. 1987]. Листья капусты прикладывали к больным местам при артрите и т.д.

В народной медицине Русского Севера широко использовались различные средства животного происхождения. Среди них особое место занимало муравьиное масло или муравьиный спирт, которым лечили ревматизм, боли в ногах и руках и др. Эти болезни часто встречались у крестьян, занимавшихся тяжелым физическим трудом. В настоящее время официальная медицина признает муравьиную кислоту как лечебное средство, основанное на отвлекающем действии, уменьшающем болевые ощущения, а также на способности восстанавливать трофику тканей. Обычно муравьиное масло или муравьиный спирт упоминаются в нарративах как лечебные средства не только от ревматизма, но и простудных заболеваний, заболеваний глаз и др.: «Ревматизм — меня лечили и в крапиве парила ноги, в мокреце, муравьиным маслом растирали» [ПМА. 1987]; «Жидкость в нос, глаза, растирали» [ПМА. 1987].

Как особое знание представлена народно-медицинская информация о том, как добывать муравьев, а потом готовить из них лечебные средства путем выпаривания: «Смазывали горло бутылки маслом — сливочным, растительным, муравьи заползают, а вылезти не могут. Бутылку с муравьями ставили в печь, они разопревают и погибали. Через тряпку отжимали спирт» [ПМА. 1987]. Здесь народно-медицинское знание совмещается с умением. Это особый вид знания- знания-умения, которым обычно владели женщины.

Мужчины обладали более сложным видом знания-умения приготовления муравьиного масла — муравьев давили в особом приспособлении *жомы*— станке, предназначенном для изготовления льняного (деревянного) масла: «Из бутылки — запарить в

печке в мешочке. Потом — в станок, две плашечки, внизу железное кольцо, сдавливаешь плашки, масло и капает» [ПМА. 1987].

С лечебными средствами из муравьев связаны и магические представления: например, о том, что муравьи сами готовят масло и его просто нужно взять из муравейника: «В муравьище масло находили. Тоже растирали (ноги. — Н.М.)» [ПМА. 1987].

С муравьями на Русском Севере связано множество поверий — например, существует запрет «нарушать муравейник», в противном случае — навлечешь на дом несчастье. Есть примета: появление в доме муравьев — к счастью. Трудолюбие муравьев, их неустанное движение является магической основой представлений об их целительной силе.

Еще одним средством лечения заболеваний суставов, ревматизма и др. являлись пчелы: «Пчелами можно лечить ревматизм, в самом начале можно сажать» [ПМА. 1987]. Лечебное воздействие пчел — апитератия также подтверждено официальной медициной. Следует отметить, что в народной медицине рациональное воздействие пчел и продуктов пчеловодства неразрывно связано с магическими представлениями о пчелах, их связи с небом и солнцем.

В разряд редкого народно-медицинского знания относятся сложносоставные мази, включающие различные средства животного и растительного происхождения; например, для изготовления лечебной мази использовали деготь, масло коровье, масло, растительное, серу горючую с елки, лук, свечку — воск из церкви [ПМА. 1987]. Обычно такие мази известны в определенной местности, большинство людей знает только составные части, а дозировка и способы приготовления известны немногим.

Среди известных и официальной медицине средств животного происхождения — например, желчи медведя, бобровой струи и др. — на Русском Севере встречаются и «экзотические» средства. Так, широко известны способы лечения лихорадки (*дрожухи*) змеиным жиром (салом) и засушенной змеей: «Змею убьют, в щепцы, она и засохнет. Гада взять, которая убита, в решето кладешь и моешь от дрожухи» [ПМА. 1988].

Лечение чесотки заключалось в том, что больного мыли водой, настоенной на сброшенной коже змеи, или в бане, где он

мылся, сжигали на каменке кожу животного. Также считалось, если будешь мыться кожей змеи, проживешь долгие годы, оставаясь здоровым. Эти способы лечения основаны на мифологических представлениях о способности змеи менять кожу, возвращая таким образом молодость и здоровье. Такими же свойствами наделялась ящерица, которую убивали, засушивали, клали в воду и мыли больного с приговором: «Как ящерица иссохнет, так иссохни чесотка на рабе Божьем (...)» [ПМА. 1988]. Засушенная змея и ее кожа наделяются не только лечебными, но и апотропеическими свойствами; так, змеиную кожу клали в порог нового дома — чтобы не болели его обитатели: «Змеиную шкуру вбивали в порог — болезнь не придет» [ПМА. 1988].

Еще одному хтоническому животному — мышам приписывались целебные свойства, сведения о них были известны многим жителям севернорусских деревень в XX в. Обычно его использовали в лечении грыжи. Так, живого мышонка выпускали на грыжу у ребенка, если он кусал пораженное место, больной должен был выздороветь [ПМА. 1987].

Грыжу также лечили с помощью щучьих зубов — ими обкалывали пораженный орган, считалось, что таким образом «закалывают» болезнь. Щучьи зубы также использовали в лечении ран во избежании нарывов: «Щукиной щекой (частью головы с зубами. — Н.М.) щепали, рану прокалывали — не задурит (рана не будет нарываться. — Н.М.)» [ПМА. 1988]. Эти представления основаны на необычайной крепости и остроте щучьих зубов, а также поверьях о связи этой рыбы с нижним миром мертвых, где локализуются болезни. Щука также использовалась при лечении алкоголизма: «Живую щуку помакать в вино, и давать (выпить. — Н.М.), чтобы не знал» [ПМА. 1988]. Щучья голова — оберег от болезней, ее до сих пор можно увидеть на дверях домов в севернорусских деревнях.

В лечении болезней также использовались когти медведя и рыси. Так, водой, в которую положены когти, моют детей от родимца — болезни, сопровождающейся припадками. По народным поверьям, болезнь принесена из «инога» мира. При лечении животных медвежьим когтем «выцарапывали» болезнь. По севернорусским представлениям, болезни локализуются в кровь, и вместе с кровью болезнь выходит из тела.

Известное средство лечения грыжи у новорожденных мальчиков — половые органы кота: «У кузнеца родился пацан, месяца три кричал. Когда грызет, выложат (кастрируют. — Н.М.) кота и варят в молоке (половые органы кота. — Н.М.). И не загрызет, раза три покормить ребенка» [ПМА. 1987]. Иногда половые органы кота привязывали к грыже ребенка. Успех или неудачу лечения определяли следующим образом: если кастрированный кот будет жить, то ребенок поправится, у него зарастет грыжа.

В народной медицине Русского Севера при лечении некоторых заболеваний использовался петух, предпочтительнее — рыжий, который в мифопоэтической традиции славян связан с солнцем. В севернорусских представлениях он наделяется способностью прогонять детские болезни — Полуночицу (бессоницу) и испуг: «От испуга — с огненного петуха окатывали, кукарекает — так ребенок поправится» [ПМА. 1988]. Кровью петуха лечили испуг (эпилепсию) у детей: выжатую из гребня петушиную кровь смешивают с подслащенной водой и поят больного ребенка. Это же средство используется для лечения грыжи на половых органах младенца-мальчика.

Чаще всего знаниями о растительных и животных средствах лечения владели женщины пожилого возраста, которые являлись хранительницами традиционных знаний, и они передавали его младшим.

Важную часть народно-медицинских знаний составляют сведения о строении и функционировании человеческого тела [3]. У севернорусских они не были оформлены в единую систему, следует говорить о мифологической анатомии и физиологии. Не были известны связи между отдельными органами и субстанциями. Однако была разработана иерархия органов человеческого тела, которым, по народным представлениям, приписывалась особая значимость в функционировании человеческого организма. В некоторых частях и субстанциях тела — крови, зубах, волосах, сердце и др., по народным представлениям, наиболее высокая концентрация жизненной силы.

Важнейшей субстанцией человеческого тела считалась кровь, в ней сконцентрирована жизненная сила человека. Было замечено, что значительная потеря крови может привести к смерти. Считалось, что кровь ходит по жилам за счет собственной силы.

По народным представлениям, болезнь попадает в тело человека через естественные отверстия (рот, ноздри, глаза и др.) или дистальные (крайние) точки — плечи, макушку, пятки и др. Затем кровь попадает в жилы и по крови движется к сердцу — центру человеческого тела в горизонтальном членении, и в том случае, если попадает в него, человек умирает.

В народно-медицинском знании особое место занимает так называемое «тайное знание», или, иначе, специализированное, сакральное знание, которым владели ритуальные специалисты и которое не известно профанам. В отечественной науке в «тайное знание» принято включать знание заговоров, обрядов и процедур их проведения. Представляется, что это понятие следует понимать более широко: в «народно-медицинское знание» следует включать способы овладения и управления знаниями, а также телесные практики, способность входить в измененные состояния сознания, интуицию и др.

Заговоры — это основа «тайного знания» знахарей. В севернорусской традиции существует множество обозначений заговоров, которые, как правило, связаны с обозначением процессов говорения: *слова, заговор, наговор, молитва, шепот, шепоток, статья* и др. Сакральное знание поступает из внешнего мира; ритуальный специалист получает слова от Бога, Богородицы, святых. *Слова* (заговоры) наделены магической силой.

По севернорусским представлениям, *слова* — это нечто материализованное, вещественное. Знахарь должен обладать целым спектром знаний о предписаниях и запретах, связанных с чтением заговоров. Например, к ним относятся способы произнесения текстов: знахарь произносит слова в воду, пищу, причем они должны быть холодными: «В горячее нельзя шептать — сварить слова» [ПМА. 1987].

Заговорами на Русском Севере лечили многие болезни: психоневрологические (по современной научной терминологии) — испуг, порчу, сглаз, др.; хирургические — раны, ушибы, укусы змеи, др.

Важную часть народно-медицинского знания составляли запреты и предписания, связанным с произнесением заговоров, которые относятся к времени, месту и способам их использования. Например, когда знахарка произносит текст заговора у печи, она

обязательно закрывала печную трубу, потому что «слова могут улететь» и лечение окажется неэффективным. Если наговорную воду родственники больного несли домой, то, переступая порог, они произносили заговорную формулу: «Порог перешла — слова перенесла». Также существовал запрет разговаривать, плевать по дороге. Считалось, что незнание и невыполнение этих запретов приводит к тому, что слова «теряются» (утрачивают силу) и лечение больного заговорами оказывается неэффективным.

Кроме магических знаний, знахарь владеет целым комплексом знаний рационального характера — знанием трав, средств животного происхождения и др., то есть лечение средствами народной медицины было комплексным.

В народно-медицинском знании можно выделить так называемое кинетическое знание. Это, в том числе, знание «кончиков пальцев»: знахарь руками воздействует на определенные точки тела, сравнимые с точками китайской акупунктуры [3, с. 54-64].

«Тайное знание» самого сильного севернорусского ритуального специалиста — колдуна более сложный комплекс знаний. Отметим, что колдуны могли как лечить, так и насылать порчу. Их знание включает не только заговоры (в отличие от знахарских, они могут иметь и вредоносную направленность), но и другие виды знания: знание проведения обрядов (вредоносных, свадебных и др.) и магических приемов; сакральное знание, полученное в результате прохождения обряда посвящения, позволяющее управлять помощниками и также позволяющее превращаться в животных, предметы самому и превращать в них других людей и др.

Знание управления помощниками обозначается сочетаниями названий мифологических персонажей с глаголом *знать* или *иметь*: *знать бесей*, *знать чертей*, *знаться с бесями*, *иметь чертей* и др. Колдун обладает сведениями о том, как с помощью бесов (чертей) насылать порчу; во многих районах Русского Севера она называется *икота* — это мифологический персонаж, имеющий облик насекомого (мухи, комара) или хтонического животного — лягушки, мыши, змеи, ящерицы и др. Вселение икоты в человека причиняет ему страдания и может стать причиной смерти. Считалось, что излечить порчу может только тот колдун, который насылал ее.

Колдун опасен для жениха и невесты во время свадьбы; он может превратить их в животных, насылать на них порчу — лишить способности передвигаться, навести на жениха *нестонику* (лишить генеративных способностей), вселить отвращение друг к другу и др.

Вместе с тем, нередко не только знахари, но и колдуны знали народную фитотерапию и использовали травы как для лечения, так и для проведения вредоносных обрядов.

Носителями традиционного народно-медицинского знания являются отдельные личности, однако обмен, сохранение и функционирование знания осуществляется в социуме с определенными целями — осуществлению нормальной жизнедеятельности человека. Передача, усвоение и функционированию народно-медицинского знания в социуме происходит по определенным законам, с помощью определенных механизмов.

В самом раннем детстве человек усваивал знания рационального порядка, поверья, традиционные представления. Многие сведения он черпал из быличек, бывальщин, слухов, толков и т. п. о случаях заболевания и исцеления в деревне. В нарративах о болезнях на первый план выступает не информативная, а эстетическая функция; именно в художественной форме народно-медицинские сведения доступны для усвоения ребенку. Из быличек он усваивал, что болезнь маленького соседа — испуг лечили когтем страшного зверя медведя или мыли его шкурой опасной змеи от чесотки. Ребенок помогал бабушке собирать целебные травы и слушать ее рассказы о том, от каких болезней они помогают. Ребенок сам мог заболеть и стать пациентом знахаря, тогда он наблюдал, как его лечат растениями, заговорами. Таинственное шептание знахарем заговоров, обмывание наговорной водой, окуливание его пахучими травами создавало сказочную обстановку и запоминалось ребенку на всю жизнь.

На первом этапе усвоения знаний предполагается невербальная передача народно-медицинских знаний от одного человека к другому в процессе обучения через наблюдения, подражание. Кинетический аспект народно-медицинского знания проявляется в том, что ребенок осваивал его зрительно, наблюдая за действиями «знающих»,

например, когда он выступал в роли их пациента или если он рос в семье ритуальных специалистов и был свидетелем проведения лечебных обрядов. Так, знахарка вспоминала о своем детстве: «Я с печки глядела, что бабушка (знахарка. — Н.М.) делает и все запоминала» [ПМА. 1988]. Ребенок наблюдал за жестами и движениями бабушки-знахарки, получал знание на телесном уровне, слушал заговоры, которые она произносила. Известны случаи, когда через много лет он вспоминал услышанные тексты и сам начал использовать их на практике, заниматься врачеванием.

Народно-медицинские представления о травах, средствах животного происхождения, запреты и предписания, связанные с произнесением заговоров, некоторые соматические представления известны практически каждому члену традиционного социума, они не являются собственно сакральным знанием, однако они представляют начальную стадию освоения «особого» или «тайного» знания.

На следующем этапе происходит передача народно-медицинского знания действующими ритуальными специалистами: знание, зачастую известное им одним в локальной традиции, распространяется и на других членов социума, осваивается ими. Так происходило усвоению знаний о форме растений, местах их произрастания, способах употребления животных средств и т.д. Передача «тайного знания» — заговоров в севернорусской традиции называется *сдать слова*. Передавать народно-медицинское знание могли в подростковом возрасте — 12 — 13 лет, когда дети начинали усваивать различные виды традиционных знаний и умений, девочки — ткать, вязать и пр. Как правило, усваивали тексты заговоров устно, заучивая на память. Реже — заучивание проводилось по записям заговоров.

Колдун переставал практиковать в глубокой старости, но перед смертью он обязательно должен был передать свое знание, иначе его ожидала мучительная смерть. Вначале преемник колдуна заучивал тексты заговоров наизусть. Обучение заговорам сочетается с обучением «технических» приемов — акциональной стороны проведения различных обрядов. Затем посвящаемый проходил обряд инициации, семантика которого — пребывание в потустороннем мире, где происходило получение основного сакрального знания. По

сведениям, полученным в результате проведения полевых исследований на Русском Севере, еще в 30 — 40-е гг. XX в., обряд посвящения колдуна заключался в том, что его поглощала собака или лягушка огромных размеров, или он поглощал лягушку или другое хтоническое животное [ПМА. 1988]. В Заонежье получал «тайное знание», поглощая слюну, мочу и др. колдуна, который передавал ему знание [2, с.181].

В результате прохождения обряда посвящения неофит получал помощников — чертей, бесов, икот и др. Передача «тайного знания» колдуном называлась *передать чертей (бесей), сдать, сдавать бесей (чертей)*, тогда как когда о восприятии его знаний неофитом говорят: *брать, перенимать, принимать чертей* и др.

Когда действующий «знающий» старел, в социуме возникал социальный заказ — замена старого «знающего» новым для сохранения народно-медицинского знания.

Этот этап передачи знания можно определить как самый важный в сохранении и функционировании традиционного народно-медицинского знания, поскольку происходит его распространении среди новых носителей.

На следующем этапе происходило превращения знаний в действия. Именно знания составляют основу для эффективных действий. Так, молодые женщины-матери, которым родственницы или местные знахарки передавали знания о травах, заговоры или магические приемы, начинали лечить своих детей: «Учись сама (лечить. — Н.М.), что тебе бегать» [ПМА. 1988]. Как уже говорилось, иногда усвоение знаний и их применение на практике разделяли годы; так, потомки знахарей, которым родственники передавали заговоры в детстве, начинали практиковать в пожилом возрасте.

Когда «знающий», использующий усвоенные народно-медицинские знания на практике, начинал понимать, что его знаний в области народной медицины недостаточно, он начинал стремиться к освоению новых знаний, технологических приемов, рациональных средств. Так, практикующие знахари стремились получить устным путем заговоры от стареющей «знающей» или записи заговоров умершей знахарки.

Расширение комплекса локального народно-медицинского знания происходило за счет заимствований у нищих и странников. Так, они передавали знание

сведения о травах и других средствах, заговоры из других традиций и др.

В традиционной культуре процесс освоения народно-медицинского «тайного знания» знахарем происходил следующим образом: он использовал на практике знания, полученные в семье или от определенного ритуального специалиста определенной локальной традиции. Иногда «знающий» мог качественно расширять свои знания — путем заимствования заговоров от других специалистов, и тогда он приобретал статус более сильного ритуального специалиста. Реже он мог еще больше углубить свое «тайное знание» в том случае, если усваивал существующие в данной традиции знания о колдунах, их связи с нечистой силой, а затем проходил обряд инициации или получал «черную книгу» или волшебное средство (цветок папоротника и др.). Таким образом, знахарь становился колдуном — еще более сильным ритуальным специалистом.

На Русском Севере была создана система знаний о средствах и способах лече-

ния, обусловленная хозяйственной деятельностью, связанной с освоением природы в трудных условиях. В формирование народно-медицинских знаний важную роль играли традиционные верования. Народно-медицинские знания Русского Севера представляют собой синтез архаических мифологических представлений и рациональных.

Народно-медицинское знание на Русском Севере продолжало активно функционировать на протяжении всего XX в. Народная медицина на Русском Севере была востребована, потому что продолжал существовать социальный заказ на сохранение здоровья и лечение болезней. Для того, чтобы народно-медицинские знания могли эффективно использоваться, в традиционном социуме, были разработаны механизмы их передачи, восприятия, овладения. И в наше время народно-медицинские знания продолжают быть востребованы и эти механизмы продолжают функционировать.

Список литературы

1. Бромлей Ю.В., Воронов А.А. Народная медицина как предмет этнографических исследований// Советская этнография. 1976. № 5. С.3-18.
2. Логинов К.К. Колдуны Заонежья истинные и мнимые// Мастер и народная художественная традиция Русского Севера. Доклады III Международной научной конференции 2000. Петрозаводск: Изд-во КНЦ РАН, 2000. С.176-186.
3. Мазалова Н. Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских. СПб.: Петербургское востоковедение, 2001. — 192 с.
4. Мазалова Н.Е. Народно-медицинское «тайное знание» русских ритуальных специалистов: семантика, статус, функции. Дисс... докт. ист. наук. М.: ИЭА РАН, 2019. 440 с.
5. Харитонов В. И. Заговорно-заклинательное искусство восточных славян. Проблемы традиционных интерпретаций и возможности современных исследований. М., ИЭА РАН, 1999. Т.1. 292 с.
6. Kleinman A. Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1980. xvi, 427 p.

Архивные материалы

Полевые материалы автора - ПМА. — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН. Ф.7.Оп.1. Вологодская обл. 1987., Архангельская обл.1988.

FOLK MEDICINE OF THE RUSSIAN NORTH IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

The article deals with the folk medical knowledge of the Russian North in the second half of the 20th century, which includes several subsystems. The studied issues of folk medical knowledge as a complex of rational and magical practices, as well as the processes of its formation, belong to the sphere of fundamental science and at the same time are among the topical issues of our time, in particular, the problems of knowledge. The work was carried out mainly by the method of field research and was based on the author's field materials collected on the basis of several expeditions to the Russian North. The study of the topic of folk medical knowledge of the Russian North, which has not been the subject of a separate study so far, determined the novelty of the work. The study revealed the inextricable links between the rational and magical components of folk medical knowledge, as well as ways to transfer and preserve folk medical knowledge.

The following conclusions were made during the study. Throughout the twentieth century. Traditional medicine occupied an important place in the life of the population of the Russian North. Folk medical knowledge of the Russian North is a synthesis of archaic mythological ideas and rational ones. Folk medicine in the Russian North in the 20th century. remained in demand, because it satisfied an important social order - the preservation of health and the treatment of diseases, and official medicine could not fully satisfy the needs of the inhabitants of the northern Russian villages. The bearers of folk medical knowledge were elderly women who were the keepers of traditional knowledge, and they passed it on to the younger ones. The mechanisms of transmission, perception, mastery of folk medical knowledge developed in traditional culture have been preserved to this day.

Keywords: folk medical knowledge, "secret knowledge", ritual specialists, folk herbal medicine, conspiracies, Russian North.

References

1. Bromlei Iu.V., Voronov A.A. (1976). Narodnaia meditsina kak predmet etnograficheskikh issledovaniy [Folk medicine as a subject of ethnographic research] // Sovetskaia etnografiia. No. 5. P.3-182.

2. Loginov K.K. (2000). Kolduny Zaonezh'ia istinnye i mnimye [True and imaginary sorcerers of Zaonezhie] // Master i narodnaia khudozhestvennaia traditsiia Russkogo Severa. Doklady III Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii 2000 [Master and folk art tradition of the Russian North. Reports of the OR International Scientific Conference 2000]. Petrozavodsk: Izd-vo KNTs RAN. P.176-186.

3. Mazalova N. E. (2001). Sostav chelovecheskii: Chelovek v traditsionnykh somaticheskikh predstavleniiakh russkikh [Composition of the human: Man in the traditional somatic representations of Russians]. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie. 192 p.

4. Mazalova N.E. (2019). Narodno-meditsinskoe "tainoe znanie" russkikh ritual'nykh spetsialistov: semantika, status, funktsii [Folk medical "secret knowledge" of Russian ritual specialists: semantics, status, functions]. Diss... dokt. ist. Nauk [Dissertation for the Doctor of Historical Sciences]. M.: IEA RAN. 440 p.

5. Kharitonova V. I. (1999). Zagovorno-zaklinatel'noe iskusstvo vostochnykh slavian. Problemy traditsionnykh interpretatsii i vozmozhnosti sovremennykh issledovaniy [Spells-incantation art of the Eastern Slavs. Problems of traditional interpretations and possibilities of modern research]. M., IEA RAN. Vol.1. 292 p.

6. Kleinman A. Patients and Healers in the Context of Culture: An Exploration of the Borderland between Anthropology, Medicine, and Psychiatry. Berkeley; Los Angeles; London: Univ. of California Press, 1980. xvi, 427 p.

Archival materials

Field materials of the author - PMA. – Archive of the Museum of Anthropology and Ethnography named after Peter the Great RAS. F.7.Op.1. Vologda region 1987., Arkhangelsk region. 1988.

Об авторе

Мазалова Наталия Евгеньевна – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия).

Mazalova Nataliya Evgenievna – Doctor of Sciences in History, Senior Researcher, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia).